

Лера Колосок

На взлете

18+

Лера Колосок

На взлете

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Колосок Л. В.

На взлете / Л. В. Колосок — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга повествует о судьбах двух ранее незнакомых людей. Избалованная девушка со своим парнем и нагребленным состоянием скрывается в далеком заброшенном поселке. Впоследствии становится знахаркой. Молодой талантливый ученый в результате несчастного случая получает травму головы, несовместимую с жизнью. Но по счастливой случайности попадает в дом к знахарке.

Содержание

Часть первая	5
Белла	8
Вероника	11
Расплата	13
Взрослая жизнь	17
Лесная жизнь	18
Жизнь в поселке	21
Ресторан	24
Лена	26
Выкидыш	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Часть первая

Вышибалы

Сентябрь. Прекрасная, теплая погода. Благодатная пора. Когда уже закончилась летняя жара, но еще не наступила слякотная, дождливая, нудная, грустная погода. Которая приносит депрессию, скуку и нежелание не то, чтобы что-то делать, но иногда даже просто жить.

На скамейке в скверике сидели двое молодых, грустных мужчин лет 25. Вечерело. Один из них поднял упавший кленовый лист с асфальта, крутил его в руках между пальцев, разглядывая и вздыхая.

– Осенняя пора очей очарованье.

– Да уж. Очарованье. Тебя, что на поэзию потянуло?

– Слушай. Жрать хочется. Просто жуть.

– Да. Я бы сейчас тоже, что-нибудь перекусил.

– А я бы сейчас не перекусил, я бы сейчас целого быка жареного съел.

– Какай ты кровожадный, однако. А почему жареного то?

– А потому, что я люблю все жареное. Мясо жареное, картошку жареную, курочку жареную, рыбку, колбаску жареную на сковороде или сало жареное с яйцами.

– Скажи еще с холодным, пенным пивом.

– О! Это просто верх моих желаний.

– Слушай перестань. Я сейчас слюной захлебнусь.

– А я уже захлебнулся. Мужчина закашлял.

– Отъела жучка мучку, барин мельницу продал. Ты лучше скажи, у тебя деньги есть? Мужчина засунул руки в карманы костюма.

– Если бы это можно было назвать деньгами. Так, какая-то мелочь. Мужчина достал с кармана деньги и вздохнул, глядя на собеседника.

– Давай наведем ревизию в твоих карманах. Может быть ты чем-то порадуеться?

– У меня тоже немного мелочи есть, так, только на дорогу.

– Что даже на пиво не хватит? Как жаль.

– Ха-ха. Очень смешно. Издеваешься? Пиво.

– На батон то хватит? Может скинемся?

– А на дорогу? Пешком пойдем?

– А какая теперь уже тебе дорога? Куда тебе ехать?

– Нам теперь уже одна дорога, в мусорном баке подъедаться.

– Нет почему? Можно в переходе милостыню просить.

– Да кто тебе подаст? Молодому, красивому мужчине.

– Можно прикинуться инвалидом, например.

– А ты умеешь? Не надо было уходить с работы. Хоть бы ты работал. Меня бы подкармливал.

– Да? Чем? Титькой? Зарплату уже три месяца не платят.

– Слушай! Да нам не только на батон, нам еще и на кефир хватит. Вот тут за подкладку немного закатилось.

– Ура! Мы сегодня сказочно богатые. Пошли скорей в магазин. Сегодня поедем, а завтра, как Бог даст.

– Подаст. Пошли.

Мужчины зашли в ближайший магазин. Взяли бутылку кефира и батон. Пошли в кассу расплачиваться. В очереди, впереди них, стоял среднего роста мужчина в дорогом костюме.

В тележке у него лежал сыр, колбаса, кусок копченой грудинки, конфеты, торт, шампанское, хлеб.

– Шоп я так жил. Мужчина толкнул своего приятеля локотком и кивнул головой в сторону тележки.

– И я. Покачал головой в ответ его приятель.

– Мужчина с тележкой повернул голову на стоящих сзади приятелей, осмотрел их с ног до головы и ухмыльнулся. Оплатив деньги в кассу и не поворачивая головы сказал:

– Хотите так же жить? Пойдемте со мной. Приятели переглянулись, сделали удивленные лица, пожали плечами.

– Берите тележку и следуйте за мной. Мужчины снова переглянулись и молча пошли за улыбчивым мужчиной. Они сели в стоящую рядом машину.

Через несколько минут, приятели уже сидели за накрытым столом, глотая слюну пересохшим ртом.

– Давайте быстренько перекусывайте и рассказывайте кратко и четко, как вы докатились до такой кефирной жизни? Мужчина начал громко хохотать.

За столом уже сидел, развалившись в кресле, похожий лицом на их нового приятеля мужчина, но немного моложе. На его левой руке отсутствовали фаланги трех пальцев. Его лицо было покрыто мелкими ямочками, как после оспы. Он хитро и злобно смотрел на приятелей, прищутив один глаз.

– Ну, мы работали в школе. Я физрук. А это мой друг химик. На уроке я помогал восьмикласснице выполнять упражнение на брусьях. Девочка была очень тяжелая. Я взял ее за талию. Рука соскользнула. Получилась на груди. Она пожаловалась матери. Мать прибежала в школу. Устроила скандал. Меня уволили. Чтоб замаять дело. А друг мой, из солидарности, тоже уволился. Мужчина, который привез парней, начал громко хохотать. Тот, что сидел в кресле оживился, достал пистолет и начал целиться в парней по очереди.

– Борзый, дай я их лучше пристрелю. Пух. Пух. Мужчина продолжал громко хохотать, потом вытирая с глаз слезы рукой, другой рукой отвел от парней пистолет в сторону.

– Не обращайтесь на него внимания. Это мой младший брат, он контуженый, он мухи не обидит.

– Ивашка. Спрячь пистолет. Так значит вы такие верные друзья? Не разлей вода. Да? Это хорошо. Будете у меня работать. Парни переглянулись.

– Вышибалами. Тебя будут звать Клим, а тебя Макар. Парни снова переглянулись.

– Ивашка. Поедешь завтра с парнями по магазинам, приоденешь их соответствующим образом. Не в таком же виде им появляться на публике. Дай им оружие. На первое время пустышки сойдут. Покажешь им объем работы. Проедись по адресам, представишь их. Машину кто умеет водить? Ты химик?

– Борзый! Дай я их лучше пристрелю. Мужчина снова достал пистолет и по очереди начал целиться в перепуганных парней.

– Пух. Пух.

– Химик? А ты самогон можешь сделать? Мужчина снова начал громко и долго смеяться до слез.

– Спать будете на первом этаже. Там служебные комнаты. Там же туалет и душ. Меня звать Борис Леонидович. Все. Вперед. До утра.

Клим и Макар, приняв душ, лежали в чистом белье, на новых простынях. Кровати стояли по краям небольшой комнаты.

– Во влипли. Мама дорогая.

– Да. После твоих слов наша жизнь резко изменилась на 180 градусов. Как будто кто-то у нас под носом взмахнул волшебной палочкой. И что теперь с нами дальше будет?

– Да уж лучше, чем было. Так хотя бы полгода пожить, а потом можно и сдохнуть. Чем на мусоросбросе через 3 дня с голоду загнуться.

– Ты рассчитываешь на полгода? Да нас же сегодня уже два раза чуть не пристрелили.

– Ну не пристрелили же.

– Да я же чуть не обмочился пока он пух, пух. Своей пуховкой играл. У меня волосы на голове шевелились.

– А может он у него не настоящий. Может он у него пука, как нам завтра обещали дать.

– Может и пука. Во всяком случае, будем надеяться на хорошее. Так легче жить, думая о хорошем.

Прошло несколько месяцев. Борис Леонидович обучал учителей приемам рукопашного боя, стрельбе из пистолетов. Из интеллигентных нищей они быстро превратились в крутых, уверенных в себя парней. Борис давал им небольшие поручения по отъему денег. Кого-то припугнуть, кого-то обломать.

Вскоре парни узнали от прислуги, как Иван, будучи еще мальчишкой, где-то достал пулю. Пошел на речку положил ее на камень, держал ее левой рукой, бил по ней другим камнем. Пуля взорвалась и оторвала ему фаланги пальцев, порох попал в лицо, тогда его контузило.

А когда Иван узнал, будучи уже подростком, что его мать изнасиловали и убили два подонка, он сделал самодельный пистолет. Отыскал их и перестрелял всех по очереди. После такой новости друзья не на шутку стали побаиваться Ивана.

А когда парни узнали, что предыдущих вышибал Иван просто пристрелил за то, что они присвоили, просто утаили от брата немного денег. Они так испугались, что стали четко и честно исполнять все его поручения. Они стали верными псами боса.

Как-то вечером сидели в ресторане два брата и два друга. Мирно ужинали. Играла приятная музыка. И вдруг забежали в ресторан два парня с пистолетами в черных трикотажных шапочках, с прорезями для глаз и рта.

– Это ограбление. Кричали они на весь зал. Быстро снимаем с себя все украшения, вытаскиваем кошельки и ложем на край стола. Иван молча, спокойно достал пистолет и за три секунды перестрелял грабителей и так же молча и спокойно продолжил есть свой любимый салат.

– Ну что? Когда там горячее подавать будут. Что-то я проголодался. Борис Леонидович начал громко хохотать. После продолжительного смеха он произнес, вытирая глаза салфеткой.

– Ивашка! Ты помнишь? А ведь мы с тобой тоже так же когда-то начинали свой бизнес. Он снова начал громко хохотать. Потом тихо сказал:

– Но этим парням видно здорово не повезло.

Директор ресторана так растрогался, что пообещал ребятам на дом, по первому их требованию приносить еду, в любое время дня и ночи бесплатно. А взамен попросил охранять от бандитов его заведение.

Белла

Борис Леонидович ехал в машине со своими верными парнями, бывшими учителями. Теперь они сопровождали его повсюду. На деловых встречах, загородных прогулках, вечеринках. Борис расслабился, много пил, гулял, стал ленивым и беспечным. Клим был за рулем.

Притормози-ка здесь, что-то я немного притомился. Борис открыл дверь машины, опустил ноги на асфальт. Недалеко от дороги в 15-20 метрах раскинулся микрорайон.

– Боже! Как же тут люди то живут, в этих многоэтажных скворечниках, в этой духоте, как кильки в бочке. Разве можно здесь жить нормальным людям? А парни? Как вы думаете?

Из подъезда многоэтажного дома вышла высокая, худощавая женщина с ведром. Она была в темном сарафане ниже колен, в светлой кофточке, на груди до пояса лежали тяжелые, русые косы. Она шла в сторону машины. Вылила воду из ведра под невысокое дерево, поставила ведро рядом. Сняла с головы белый, по краям синие узоры, платок. Вытерла им пот с лица, повязала снова платок на затылке. Взяла ведро, повернулась и пошла в сторону домов.

– Мама! Протяжно и загадочно прошептал Борис Леонидович.

– Мама! Громко и ликующе, произнес он в след уходящей женщине.

Клим посмотрел на Макара с удивленной гримасой и покрутил пальцем у виска, кивая головой в сторону боса. Макар тоже сделал удивленную гримасу и пожал плечами.

– Макар! Быстро вышел из машины, вперед за этой женщиной. Вечером полный отчет, кто такая, как зовут, где живет и так далее.

Когда вечером Макар зашел в гостиную с отчетом, Борис встал с дивана и снова стал смотреть на увеличенную старую фотографию, которая висела над диваном в гостиной. На ней были изображены мужчина и женщина. Мужчина сидел на стуле, а рядом с ним положив руку на плечо, стояла высокая, стройная женщина, в длинном, ниже колен, светлом платье. А по ее плечам до самого пояса, растекались густые, волнистые, темно русые волосы.

– Докладывай. Что застыл.

– Эта женщина Белла Рязанова. Два года назад она переехала с поселка, где работала медсестрой в детском садике. Снимает квартиру в микрорайоне. У нее дочь Вероника, которая заканчивает школу. Днем моет полы в подъездах, вечером работает посудомойкой в ресторане.

– В ресторан. Клим, поехали.

Борис заглянул в посудомоечную комнату, убедившись, что Белла на месте, Борис сел за столик в зале, позвал официанта. Сунул ему деньги в нагрудный карман.

– Ударь меня по носу, так чтобы пошла кровь. Официант посмотрел на деньги в кармашке, выпучив глаза завопил:

– Что? Вы что с ума сошли? Мы такие услуги не оказываем. Меня с работы уволят. Борис встал со стула, подошел к официанту, плюнул ему в лицо, он был взбешен и решителен.

– Хам. Я тебя сам сейчас уволю. Он взял руку официанта, сжал его пальцы в кулак и со всей дури ударил кулаком себе в нос. Официант оторопел, открыл от ужаса рот и ничего не мог сказать. Только выпучив глаза шевелил губами как рыба в аквариуме, заглатывая воздух ртом. Из носа Бориса потекла густая, алая кровь, он пошатываясь пошел в сторону мойки. Увидев Беллу, он остановился на пороге мойки, держась за косяк рукой, приседая на корточки.

– Извините. Можно мне тут у вас умыться? Белла повернулась, бросила тарелки в раковину, сняла перчатки и подбежала к Борису.

– Ой. Мужчина! Что это с вами? Ой кто это вас так? Вам плохо? Белла сняв с головы платок, начала вытирать кровь с лица Бориса.

– Вам надо холод на лицо. Она включила холодную воду, простирав от крови платок, намочила его в холодной воде. Протирала его лицо платком, держала немного на лице, затем снова мочила платок в холодной воде, положила на лоб платок.

– Вам лучше? Борис поднес к губам ее руку и целовал ее нежно. А по его щекам текли скупые, мужские слезы.

– Какая вы добрая, ласковая, какие у вас белые, нежные руки. Мамочка моя, милая моя мамочка. Не оставляй меня, не бросай меня.

В посудомоечную забежал перепуганный директор ресторана.

– Вам уже лучше? Мы это так не оставим. Кричал он. Мы его уволим, мы накажем этого официанта.

– Парня не трогать. Приду проверю. Сказал Борис строго директору. Он сунул ему в карман деньги.

– А эта женщина у вас больше не работает.

– Как это не работает? В чем я виновата? Начала возмущаться Белла.

– На что же я буду жить? Я эту работу отыскала с трудом.

– С сегодняшнего дня вы работаете у меня. Помогите мне дойти до машины. У меня кружится голова.

Когда Белла вошла в гостиную, она сразу увидела большую фотографию в дорогой рамке. На нее смотрела женщина, вернее с фотографии она смотрела сама на себя, только там на фотографии она была моложе и на лице была легкая, нежная, добрая улыбка. Настолько было такое удивительное сходство.

– Ивашка! Ты где? Кричал Борис. Наша мама вернулась. Наша мамочка здесь, она снова дома.

Иван спустился по лестнице, вошел в гостиную. Он оторопел и пристально смотрел на женщину. Затем он бросился к ее ногам, упал на колени, целовал ее руки и плакал. Борис тоже стоял на коленях плача и обнимая брата.

– Мамочка! Никогда больше не уходи, не оставляй нас больше. Не уходи от нас никогда. Будь всегда с нами. Сквозь слезы шептали братья.

– Вы что тут все чокнутые? Я в психушку попала? Что тут происходит? Мне кто-нибудь может объяснить?

– Мамочка! Это только Ивашка контуженый, а я нормальный. Шептал сквозь слезы Борис.

Белла сделала шаг назад и присела на рядом стоящее кресло.

– Мамочка! Мамочка наша вернулась. Шептал в истерике, целуя руки Беллы Иван. Братья как собачки подползли к женщине, положив свои головы на ее колени, стали понемногу успокаиваться. А Белла откинув голову на спинку кресла, преодолевала дремоту. Наконец она прикрыла глаза и заснула. Ведь она уже и не помнит, когда нормально спала. Борис подвинул к женщине и осторожно положил ее ноги на пуфик. Иван укрыл ее пледом. Вывел из комнаты удивленных и ошалевших от невероятной картины свидетелей, двух друзей.

– На сегодня все свободны. Шепотом произнес Борис. В доме воцарилась тишина.

Белла быстро вошла в свою роль мамочки. Хотя она была старше Бориса на 10 лет, а Ивана на 12 лет, она искренне полюбила своих новых приемных сыновей, за их доброту, наивность и искренность. Она никогда не командовала, не указывала, не вмешивалась в их дела. Все в доме, даже прислуга стали называть ее мамочкой.

Белла носила длинные ниже колен платья, распускала свои шикарные, волнистые, русые волосы. Может, чтобы больше походить на женщину с большой фотографии в гостиной. Украшала свои роскошные волосы золотыми ободками, шпильками и заколками, которые щедро дарили ей, ее новоиспеченные сыновья. Она была спокойной и ласковой. Через месяц Белла уже управляла делами дома по хозяйству, давала указания прислуге и садовнику.

Очень сильно ее полюбил Иван. Он каждый вечер заходил к ней в спальню, чтобы пожелать любимой мамочке спокойной ночи. Он ложился к ней на кровать с боку, клал свою голову на ее грудь, жаловался, плакался, рассказывал ей о своей жизни. Белла, обняв его слушала, жалела и целовала его в лобик. Иногда заходил Борис. И они оба ложились рядом с мамочкой. Белла как клуша крыльями, укрывала их своими руками и по очереди целовала их в лобик. Между ними не было ревности. Ее любви хватало на всех.

Ей очень нравилась ее новая роль. Она воспринимала свою жизнь как счастливый сон. И очень боялась неосторожным движением разрушить его и внезапно проснуться. Чтобы снова пойти на работу, мыть полы и посуду. Чтобы, перебиваясь с копейки на копейку, крутиться как белка в колесе, думая, чем накормить и приодеть свою избалованную дочь.

Вероника

Белла сразу же привезла в дом Бориса и Ивана свою дочь, которой выделили на втором этаже светлую комнату рядом с мамой. Борис и Иван ее сразу же стали называть сестренка. Особенно сильно по-родственному, ее полюбил Борис. В доме ее все баловали, выполняли все ее капризы, не жалея на нее никаких средств.

Вероника сдала экзамены, закончила школу, но в отличие от своих сверстников, никуда не спешила поступать. Она не хотела учиться, а уж тем более не хотела работать. Прежде не избалованная вниманием и воспитанием матери, из-за нехватки времени, она так и продолжала жить, своей собственной жизнью, как кошка сама по себе.

Она зависала на дискотеках, вечеринках, шокируя и вызывая зависть и злобу своих подруг.

–Мамаша нашла себе богатого папочку. Он меня обожает и ни в чем мне не отказывает. Говорила она восхищенным подружкам. Вскоре так их всех и растеряла. К новоприобретенным братьям она относилась с высокомерием и терпением. Она считала, что ей все должны и обязаны. Потому, что она так неотразима и прекрасна, единственная в своем роде, создана для любви окружающих и роскоши. Когда подруг совсем не осталось, она целыми днями сидела в своей комнате, смотрела фильмы и слушала музыку через наушники.

У Вероники был парень еще со школы. Он ее сильно обожал и ревновал. За ее капризы, за ее непосредственность, за ее независимость, за ее дерзкий характер и еще за что-то, он уже и сам не понимал. Он стал вхож в дом. Они гуляли, ходили в кино, играли в бильярд, слушали в комнате музыку или просто целовались.

Никита ее сильно ревновал к ее новым братьям. Но ей этого было мало, ей было скучно, ей хотелось еще больше внимания от своего парня. И она начала рассказывать ему всякие небылицы, про то как они на нее посмотрели, что сказали. Разжигала, заводила его к новым вспышкам ревности.

– Убью. Шипел от злости Никита, скрипя зубами.

–Каждого убью, кто к тебе только приблизится. Он начал каждый вечер бывать с Вероникой, ревностно и внимательно следил за каждым движением и словом братьев, когда кто-то из них оказывался в непосредственной близости его любимой.

Борис совсем разомлел, расслабился. Все дела по добыче денег, четко выполняли Клим и Макар. Борис стал много пить или проводить время в компании женщин.

Закончилась зима. Наступила весна. Пора расцвета деревьев, цветов и чувств. Клим и Макар молодые и здоровые мужчины. Им уже не хватало денег, которые платил им Борис. Их тоже понесло, им хотелось праздника, развлечений.

– Слушай Макар. Что-то Борзый стал борзятником, совсем стал борзой, оборвыш, ты не находишь? Макар начал хохотать.

– Что-то я в твоём каламбуре не уловил здоровой мысли. Переведи.

– Мы прикрываем его задницу, пилим, отжимаем бабки, прокручиваем аферы, рискуем жизнью, а нам на эту жизнь уже не хватает.

– Что ты имеешь в виду? Он хорошо платит, грех обижаться.

– Да? А ты можешь на эти деньги снять телку?

– Что предлагаешь? Замочить его? Ха-ха-ха.

– Да, очень смешно. Пусть подкинет нам пару сотен за честную работу на развлечения, тип премиальных.

– Ну пошли, перетрем вопрос. Может не пристрелит? А может и пристрелит.

Борис плавал в бассейне и был в хорошем расположении духа.

– Борис Леонидович! Мы честно тебе служим? Выполняем свою работу добросовестно? Проколов нет? Претензий к нам не имеешь?

Борис вышел из бассейна, накинул халат, сел в кресло.

– Допустим. В отпуск хотите? В отпуск ребята, это когда Боженька вас к небесам призывает. Он начал громко и долго хохотать.

– Борис Леонидович! Это мы уже давно усвоили. Но ведь вокруг весна, в сердце чувства. Хочется с женщинами побаловаться. А женщины любят деньги. Вы же сами все понимаете. Затраты, непредвиденные расходы.

– Понимаю. Вы все подчистили? Должников нет? Смотрите, чтобы ваши растления были не в ущерб работе. Если будет где-то прокол, свою шкуру обратно не наденете. Значит так, я вам скажу. Завтра к обеду, провернете одно дельце. Нужно будет взять дипломат, я вам адрес напишу. Отсчитаете себе по сотке каждому, остальное привезете мне. И можете ребята на пару дней отлучиться, сходить почесать свой блуд. Он начал громко и долго хохотать. Но если через пару дней я не увижу вас живыми и здоровыми, считайте, что вы уже покойники. Произнес он громко сквозь смех.

Вечером Иван как всегда пришел к мамочке в спальню, чтобы пожелать ей спокойной ночи. Она сидела перед зеркалом и расчесывала свои прекрасные, густые волосы. Он подошел к ней и начал гладить и целовать ее волосы.

– Боже! Какая красота. Какое богатство тебе Бог подарил, какое прекрасное волшебство, твои лебяжьи волосы. Как шелковые ниточки, как водопад льется по твоим плечам. Никогда еще в своей жизни не видел такой шикарной красоты. Мамочка, я хочу тебе сделать дорогие подарки.

– Какие еще подарки? О чем ты говоришь? Что ты еще придумал? Разве мало ты мне подарков дарил?

– Мамочка! Завтра утром поедem по магазинам. Я хочу тебе купить пару красивых платьев и пару красивых туфель к ним. Мамочка! На улице весна красна, я хочу, чтобы и ты у меня была самая красивая. Иван обнял женщину за плечи и поцеловал ее в щеку. Спокойной ночи, мамочка.

– Спокойной ночи Ванюша. Белла обняла его за шею и поцелована его в щеку.

Расплата

Борис проснулся только к обеду.

– Ой! Как голова трещит. Неужели я вчера опять перебрал? Точно. Везде бутылки пустые. Теперь только бы до холодильника добраться, подлечиться, голову поправить. Он встал с постели охая, держась обеими руками за голову.

– Говорила мамочка мне: Борис, сынок, ты много пить начал. Почему? Сынок? Что с тобой? Что случилось? Почему ты пьешь? Нельзя так жить. Остановись. Борис открыл холодильник.

– У-у. Да тут еще есть. Слава Богу. Надо пацанам сказать, чтобы еще сгоняли. Борис открыл бутылку вина, сел в кресло.

– Хо-ро-шо! Холодненькое. О! Хорошо то как! А почему я пью? Мамочка. Никто меня не понимает. Одинок я. Ни семьи, ни детей. И любовь моя уже давно замужем. А потому, что не положено мне, по моему статусу, иметь жену и детей. Тут как? Женщины любят богатых и успешных. Неудачников никто не любит. А чтобы быть богатым и успешным, нужно быть бандитом. Он посмотрел в большое зеркало.

– А бандитам иметь жен не положено. Потому, как нельзя расслабляться, нужно всегда быть в форме.

– Понял Борька? Он улыбнулся. Да. Что-то я расслабился. Ладно Борька. Прорвемся. Он тихонько запел. Бутылку вина, я выпью до дна. Одна только ты понимаешь меня. Борис встал с кресла, вышел из комнаты с бутылкой. Прислушался.

– Народ! Почему так тихо? А – У! А где все? Ивашка! Он заглянул в комнату Ивана. Нет никого.

– Ивашка Брат! Ты где? Мамочка! Он заглянул в комнату Беллы. Нет никого. Борис посмотрел в гостиную с балкона.

– Клим? Макар? Где вы черти полосатые? Быстро все ко мне. Что случилось? Где все? Я что проспал конец света? Почему меня никто не разбудил? Он пошел дальше к комнате Вероники.

– Сестренка ты дома? Почему-то дверь ее закрыта. Он начал стучать в дверь.

– Сестренка! Почему ты закрылась? Открой. Это я, Борис. Не хочет открывать. Почему ты молчишь? Ты в порядке? Скажи почему никого нет? Скажи где все? Что случилось? Куда все подевались?

День выдался душный, с утра парило. Вероника после утреннего бассейна не стала на себя ничего надевать. Так и сидела в кресле в трусиках и легкой маечке, перед открытым окном. Слушала музыку в наушниках и в такт качала головой. Потому она и закрыла дверь на ключ. Да и не хотела она уже больше никого не видеть и не слышать. Она знала, что ее парень придет только вечером, а остальные ее не интересовали. Потому она никак не могла слышать, что происходило за дверью.

А за дверью Борис. Когда ему надоело стучать в дверь, он присел на корточки спиной к двери и пил с бутылки вино.

– А вдруг что-то случилось? Почему она не открывает и молчит? А вдруг там ей плохо? Моей сестренке. А я тут сижу под дверью, как дурак. Надо спасти сестренку. Эй кто-нибудь! Отзовитесь! Тишина. Куда все подевались? Борис отхлебнул с бутылки, подумал, отхлебнул еще. Поставил ее в сторону, пошел в свою комнату.

Борис коллекционировал топоры и ножи. В его спальне на одной стене была коллекция ножей, на другой стене коллекция топоров. Он подошел к стенке с топорами.

– Так. Эти маленькие, а эти большие. Наверно этот будет в самый раз. Он снял со стены топор и пошел к спальне Вероники. Еще раз на всякий случай постучал.

– Сестренка! Открой. Это я Борис. Он нашел в проеме двери язычок замка.

– Так. Чуть ниже. Он начал тихонько просовывать острие топора между косяком и дверью, начал отжимать дверь. Дверь легко открылась. Борис увидел Веронику в кресле в наушниках. Он успокоился и улыбнулся. Положил топор на пол, взял бутылку в руки, отхлебнул и пошел в сторону Вероники.

Борис взял маленький пуфик, который стоял перед зеркалом. Поставил его в метре от Вероники и сел на него, смотрел на Веронику попивая вино.

Вскоре Борису стало скучно так сидеть, глядя на ее спину. Он развернул кресло. Вероника сидела с закрытыми глазами и слушала громкую, модную песню, прихлопывая в ладоши и в такт качая головой. Борис начал громко смеяться, попивая вино.

Ему снова стало грустно, что его не замечают. Он потянулся к Веронике и с боку поцеловал ее коленку. Она вздрогнула. Закричала. Сняла наушники и начала кричать.

– Ты что сдурел, алкаш! Пошел вон! Кричала Вероника, махая руками и ногами.

– Мама! Мама!

– А мамы дома нет. И никого дома нет. Все куда-то подевались. Борис смеялся и разводил руками в сторону. Представляешь? Сестренка.

– Убирайся вон от сюда. Что ты тут расселся? Она пинала его в грудь ногами.

В гостиную вошел Никита. Он услышал крики Вероники и быстро побежал в верх по лестнице. Он забежал в комнату, схватил топор с пола и наотмашь ударил Бориса тупой стороной в висок. Борис упал с пуфика на пол и не вставал.

– Ты что дурак? Ты что больной? Ты что натворил? Придурок. Кричала в истерике Вероника.

– Я услышал твой крик. Когда забежал. Я подумал, что он пристает к тебе. Я же сказал, что убью любого, кто к тебе приблизится.

– Откуда ты взялся? Козел? Идиот? Она подбежала к Борису.

– Борис Леонидович! Борис Леонидович! Ой здесь кровь. А! Закричала она.

– Мама! Мама! Вероника выбежала из комнаты.

– Мама! Мама! Ты где? Помогите! Она забежала в комнату Беллы.

– Тут никого нет. Она зашла в комнату Ивана.

– Иван! Иван. Где все? Куда все делись? Вероника побежала в свою комнату.

– Я пощупал пульс. Пульса нет. Он умер.

– Как умер? Ты что дурак? А! А! А! Кричала Вероника.

– Что теперь делать? Мамочка! Господи! Что теперь делать?

– Делаем ноги, быстро.

– Какие ноги?

– Сматываться надо. Бежать. Быстро.

– Как бежать? Куда?

– Главное быстро.

– Куда бежать? Я никуда не пойду.

– Дура! Его брат, контуженный, разбираться не станет. Пристрелит обоих. Давай затащим его, в его комнату, как будто он пьяный лежит. Пока будут разбираться, у нас появится немного времени, а так нас сразу прибьют. Никита тащил Бориса за ноги волоком, а Вероника вытирала с пола кровь.

–И куда мы теперь побежим, нас же везде достанут? Найдут и прибьют. Плакала Вероника.

– В колотушки поедем, там нас никогда не найдут.

– Какие еще колотушки? Там, что нас будут колотить?

– Орехи там кедровые колотят. Потому и называются колотушки. Сейчас быстро заскочим ко мне домой. Я копил деньги на нашу свадьбу. На первое время хватит. Бежать. Бежать быстрее надо, пока никого нет.

– Говоришь на первое время деньги есть? Это хорошо. Вероника вспомнила. Когда Борис узнал, что у нее день рождения он сказал: Сейчас я тебе дорогой подарок принесу. Жди меня здесь. Он вышел из комнаты, пошел вниз по лестнице. Она за ним украдкой, чтобы не видел.

Борис спустился по лестнице подвала в доме. Она приоткрыла дверь и смотрела за ним. Борис отодвинул старый шкаф, убрал кирпичи в стене, а там тайник. Он был очень пьяный, потому никак не мог вспомнить код сейфа.

– Единичка. Единичка. Это я и Ивашка, два брата и нолики. Почему же ты не открываешься? Бубнил он себе под нос.

– А. Вспомнил. Единичка. Единичка, а посередине нолики. Говорил он вслух.

– Смотри в его комнате все раскидано, везде бутылки.

– На кровать мы его все равно не поднимем. Давай положим его здесь на пол рядом с кроватью. Раной в низ, чтобы не было видно, ногами к двери, как будто он пьяный лежит.

– Ну все, давай бежим быстрее, пока никто не вернулся.

– Жди меня здесь, я быстро.

– Куда ты Вероника? Она схватила свой рюкзак и побежала вниз по лестнице в кладовку. Здесь хранились разные продукты, инструменты, корзины, банки, кастрюли, старые вещи, старый хлам. Вероника никак не могла сдвинуть старый, тяжелый шкаф. Затем она сообразила. Увидела воду в банке. Налила на пол под ножки, шкаф легко сдвинулся, как по маслу. Но какие кирпичики нужно убрать? Она не видела. Она торопясь хваталась за все подряд на уровне глаз, потому что он не приседал, а стоя их вытащил. Наконец она нашла нужные. Вот он и сейф. Она вспоминала код, его слова: Две единички. Мы два брата и нолики.

– Не открывается. Что же делать? Нужно что-то делать? Бежать. Ее колотило в нервном страхе. Руки тряслись.

– Бежать. Надо бежать. Спасать свою шкуру. Что там происходит наверху? Она не знала.

– Может бежать уже поздно? Может сейчас поднимусь и меня сразу пристрелят. Потом она вспомнила. Единичка. Единичка. Он сказал: Это я и Ивашка. А посередине нолики. Сейф открылся.

– Мама моя родная! Боже! Я же столько не унесу. Она начала складывать в свой рюкзак деньги. Чтобы не торчали, чтобы не видно было, что там пачки денег.

– А это что? Какой-то бархатный мешочек. Что-то мелкое твердое. Не будет же он хранить в сейфе всякую ерунду? Значит что-то ценное. Ладно прихвачу, потом разберусь.

– Боже какая удача! Все. Нужно быстро ставить все на место и бежать.

Когда Вероника и Никита выходили из дома, подъехала машина. В ней сидели Белла и Иван.

– А что это вы такие взъерошенные? Спросила Белла.

– Да мы тут немного, ну это... целовались. Смущенно улыбнулась Вероника.

– Весна. Знаете ли. Весна. Улыбался Никита. Вероника села к Никите, на мотоцикл и они медленно поехали.

– Вероника! Крикнула вслед Белла.

– Мам. Мы в кафе, перекусим, на дискотеку, а утром рано с ребятами на рыбалку.

– Ты что не придешь ночевать? Белла всегда переживала за дочь. Но никогда не вмешивалась в жизнь дерзкой дочери. Она чувствовала себя виноватой перед ней, что в погоне за копеечкой уделяла ей мало внимания. Поэтому даже немного побаивалась, за ее крутой нрав. Она считала, что она уже совсем взрослая. Встречается с парнем и может уже даже скоро подарит ей внука или внучку. Она просто млела от счастья, от таких мыслей.

Белла стояла и смотрела вслед уезжающей дочери. Сейчас ее материнское сердце болело, страдало, как будто предчувствовало буду. Огромные слезы выкатывались из ее больших, бирюзовых глаз, стекали ручьем по горячим щекам и с подбородка падали на высокую грудь. Она сквозь линзы слез, долго смотрела на исчезающий в даль мотоцикл.

– Вероника! Куда же ты? Постой. Говорила она шепотом, протягивая руки вперед, как бы желая остановить дочь. Тем самым предостеречь ее от чего-то.

– Куда же ты дочка? Она скрестила руки на груди, стояла и качала головой из стороны в сторону. Иван подошел, обнял Беллу за плечи.

– Ну что ты мамочка, не плачь, нагуляется и вернется. Что она маленькая, что ли? Взрослая девушка. Белла повернулась, положила голову на его грудь. Тихонько всхлипывала, вздрагивая при этом.

А Вероника крепко держалась дрожащими руками за своего избранника. С ее глаз потекли горячие слезы. Она закрыла глаза. Ее слезы разлетались со щек в разные стороны от встречного ветра. Перед ее глазами стояла высокая, красивая женщина, ее мать. Вероника так хотела ее обнять на прощанье, попросить у нее прощенье.

Ведь в отличии от своей матери, она понимала, что может уже больше никогда не встретится с ней. Но времени совсем не было. Каждая секунда была дорога. Тогда она понимала, что промедление было смерти подобно. Нужно было бежать, бежать и чем быстрее, тем лучше. Как можно дальше от этого злополучного места.

– К тебе заезжать не будем, поехали сразу в эти, как их, погребушки.

– Колотушки.

– Да хоть хохотушки, время дорого.

– А как же деньги на первое время? Мои сбережения?

– У меня такие сбережения в рюкзаке, что нам хватит и на первое, и на второе, и на все времена, до самой старости! Нашим детям, и нашим внукам, и правнукам. Мы сказочно богатые Никита, кричала и хохотала Вероника.

– Ты что банк грабанула?

– Какой ты у меня догадливый, однако, Никита. Она вдруг подумала, что наверно ее мать и Иван уже зашли в дом и все увидели, может уже все знают, а может уже за ними погоня. От страха, эмоции девушки сменились. Теперь перед ее глазами была только дорога, только цель мчаться быстрее, чтобы быть как можно дальше.

Взрослая жизнь

Вероника лежала на нижней полки купейного вагона. Она отвернулась к стенке, закрыла глаза и плакала. Перед ее глазами стояла ее плачущая мать. Она даже не попрощалась с ней, не обняла ее, не поцеловала на прощанье, не сказала ей, как она ее любит. Вероника уткнулась в подушку и под стук колес вздыхала, стонала и тихонько подвывала от душевной боли. Обняла подушку как будто обнимала мать.

– Мама! Мама! Шептала она сквозь слезы.

– Мама обними меня, защити меня, избавь меня от этого ужаса воспоминаний. Перед глазами девушки стояла страшная картина, окровавленный Борис в луже крови, эти ужасные черные подвалы, это стремительное бегство. Девушка от страха сильнее сжимала в руках подушку.

– Мама! Где ты! Защити меня. Никита лежал на верхней полки и похрапывал.

– Он все-таки молодец. Бросил мотоцикл в парке. Пробежались по магазинам. Взял такси, доехали до вокзала, взял билеты. Сильно спешил и все время твердил: Быстро линияем из города.

Вероника проснулась от поцелуя Никиты.

– Милая, с добрым утром. На столе стояли стаканы с чаем, в алюминиевых подстаканниках, бутерброды и булочки. Вероника потянулась, улыбнулась.

– А мы, что одни? Попутчики наши вышли?

– Да. Я бабушку с внучкой только что проводил. Теперь мы с тобой почти сутки будем ехать одни.

– А может еще кого-то подсадят?

– Там почти нет населенных пунктов. Вагоны идут полупустые. Давай перекусим, а вечером можем сходить в ресторан.

– Ой! В ресторан! Ура! А почему вечером? Я сейчас хочу в ресторан. Я такая голодная, а мы такие богатые, прыгала Вероника от радости.

– Хочешь пойдем сейчас. Они выпили чай и пошли в ресторан.

В ресторане Вероника и Никита заказывали все, что хотели, вернее все что там было, пили вино. Официанту сказали, что они молодожены, у них медовый месяц. В купе они прихватили вино и всякой еды.

В купе Вероника смеялась, веселилась, баловалась. Достала с рюкзака мешочек с драгоценностями. Она надевала на себя все дорогие украшения, кольца, браслеты, цепочки. Которые не помещались вешала их на голову, уши, любовалась на себя в зеркале. Она осыпала украшениями Никиту, вешала на шею, на голову, на уши цепи и кулоны.

– Моя ты королева! Драгоценная моя!

– А ты мой король!

– Мы с тобой самые богатые!

– Мы с тобой самые счастливые!

– Да нам теперь этих денег хватит на всю жизнь!

– Да нам теперь вообще никогда работать не надо, представляешь?

– И нашим детям хватит!

– И внукам и правнукам! Прыгала от радости Вероника. Они пили вино, целовались и спали вместе.

– Ты моя! Ты только моя! Никому, никогда тебя не отдам.

– Ты всегда будешь только моей. Только моя! Моя принцесса! Моя королева! Моя любимая! Моя! Только моя! всю ночь Никита шептал Веронике на ушко. А поезд стремительно мчался, приближая их к будущему, как им казалось счастливой и беззаботной жизни.

Лесная жизнь

– Просыпайся любимая, мы подъезжаем к нашей конечной остановке. Никита нежно целовал Веронику, сидя перед ней на корточках.

– Я уже собрал все вещи, скоро наша станция. Вероника никак не могла отойти от сна. Он посадил ее, спустил ее ноги, обувал ей кеды. А она зевала с закрытыми глазами, снова валилась на подушку. Она никак не понимала, почему нужно вставать, куда-то идти, когда так хорошо лежать и спать под стук колес. Никита умыл ее минералкой, дал попить, вытер ее лицо полотенцем. Только тогда она начала приходить в себя.

– Почему нужно куда-то идти, я хочу спать, отстань от меня. Она снова упала на подушку.

– Вероника, очнись. Ты забыла, что мы в бегах, нам нужно выходить с поезда. Ты не дома в постели, ты в поезде. Сейчас будет полустанок, мы выходим. Береженого Бог бережет.

– Мы что уже приехали в погребушки? Так скоро? Давай я еще посплю.

– Вероника просыпайся. Я пошел выносить вещи в тамбур. Он скоро вернулся. Надел на Веронику рюкзак, повел ее к выходу. Только на улице, сидя на скамейке она пришла в себя.

– Я пить хочу. Никита подал ей бутылку с водой.

– Я есть хочу. Я к маме хочу.

– Не капризничай. Нет у нас больше мамы. Сейчас придем на место там покушаем.

– Это что и есть твои погребушки? Куда ты меня тащишь?

– В лес на пикник. Они перешли рельсы железной дороги и зашли в лес.

– Ладно. Сейчас найдем солнечную полянку, перекусим и пойдем дальше.

– З ачем дальше? Давай здесь будем жить, здесь так хорошо, просто здорово! Пахнет медом, здесь много цветов. Вот смотри какая славная, солнечная полянка. Чем она тебя не устраивает? Ой! А что это на земле, какие-то красные ягодки, они съедобные.

– Это земляника.

– Ее можно есть?

– Да. Ешь.

– Ой, а здесь на колючих ветках красные ягоды. И их тоже можно есть?

– Да. Это малина.

– Все. Я дальше не пойду. Я устала. Остаемся здесь.

– Я пойду хворост собирать. А ты возьми рюкзак с продуктами и накрывай на стол, сейчас чаю горячего согреем.

– Вот здорово! Накрывай на стол. Где он здесь увидел стол?

Когда Никита вернулся, Вероники не было видно, он пошел ее искать.

– Вероника! Он сильно испугался, начал ее звать.

– Вероника! Ты где? Вероника! Вероника! Он нашел ее на краю полянки. Она стояла, улыбалась и смотрела в загущенный темный лес. Он подбежал к ней и посмотрел в ту сторону куда смотрела она. Страх ужаса, мурашки пробежали по его телу. Он увидел две светящиеся точки. Онемел от увиденного, смотрел пока огоньки не погасли.

– Там собачка.

– Какая тебе собачка? Это был волк.

– Волк? Такой хорошенький и совсем не страшный. Почему в сказках его изображают злым и голодным. А он добрый. Он подошел ко мне сел у моих ног и положил голову на лапы. Я хотела его погладить, а когда ты начал кричать он показал мне зубы и попятился назад, пополз в лес. Никита взял Веронику за руку и повел ее на полянку.

– Никита мы остаемся здесь на полянке? Здесь хорошо: ягодки, собачки.

– Остаемся? Ты даже продукты не вытащила с рюкзака. Ладно остаемся.

– Продукты? Он большой и тяжелый. Твой рюкзак.

– Хотя нет. Здесь близко полустанок, давай еще пройдем.

– Ну сколько можно идти. Все идем, идем. Ты мне уже давно обещал чай. Я пить хочу. Я есть хочу. Смотри какое озеро красивое, круглое, как тарелочка. Давай останемся здесь. Мы уже давно ушли от полустанка твоего.

– Ладно привал. Никита снял с себя рюкзак с палаткой, поставил сумки на траву. Присел.

– Ох и в правду красота-то какая. А воздух, медом пахнет.

– Я побежала купаться. Ой как здесь здорово. Никита, пойдем купаться.

– Ох! Несносная девчонка, стрекоза, а не девчонка. Вздохнул Никита. Улыбнулся глядя на Веронику и пошел за хворостом.

Когда Вероника вернулась чай уже закипал. Никита собрал душицу, иван-чай, ромашку. Стоял приятный аромат.

– Ой какая смешная кастрюля висит над костром с длинной ручкой. Я таких еще никогда не видела.

– Это не кастрюля. Это котелок. Специально для костра придумали.

– Ой сколько всего. Кружки, тарелки и еды много, где это все помещалось?

– В моем рюкзаке все и помещалось. Ну и в сумках конечно тоже.

Ну вот покушали и дальше пойдем. Или здесь останемся?

– Здесь! Здесь! Здесь так здорово! Здесь красиво, озеро, ягодки, полянки.

– Какая интересная береза стоит. Смотри на краю леса. Такая толстая, высокая и раскидистая. Интересно, сколько же ей лет?

– А почему это место называют колотушки? Здесь что кого-то колотят?

– Не это место. Вон там повыше в горах, растут кедры, по осени мы приезжали сюда с ребятами. Лезешь на дерево повыше, стучишь палками по веткам. Орешки падают на постеленное под деревом покрывало. Ладно если никуда не пойдем, начну разбивать палатку.

Утром пока Вероника спала, Никита пошел за хворостом.

– Пришел. Значит еще придет, а может и не один. Произнес Никита, глядя в одну точку.

– Что ты Никита сказал? Подошла к нему Вероника.

– Ты зачем сюда пришла? Никуда не уходи, сиди в палатке и носа не высовывай. Кричал он и тащил Веронику в палатку.

– Ты что на меня кричишь? Она зашла в палатку и плакала.

– Да ты пойми, это же лес, это дикая природа, здесь свои законы, здесь звери, здесь опасно. А мы гости. Ну прости, я не хотел тебя обидеть.

– На меня даже мама так никогда не кричала. Эх ты.

Она все плакала. Никак не могла успокоиться. Пока не уснула под стук топора. Когда Вероника вышла из палатки, Никиты нигде не было. Она его увидела на большой березе. Он как обезьянка перелазил с одной ветки на другую. Она подошла к дереву, посмотрела вверх. Там уже стояла решетчатая площадка. Никита связывал бревна между собой, к дереву крепкой веревкой. Накидал сосновые лапки и принес на березу палатку.

– Это будет наш дом? Она залезла на березу и выглядывала из палатки.

– Ой, как здесь здорово! Все далеко видно и озеро, и речку, и мосток. Ой смотри Никита, там мишка в речке купается.

– Он не купается, это он так рыбу глушит.

– Как это глушит?

– Видишь, он нашел самое узкое место реки, там рыба идет, он лапой бьет по воде, оглушивает ее, потом достает и на берег кидает.

– Какой умный мишка.

– Это медведица.

– А откуда ты узнал?

– А вон там, смотри, где кустарник шевелится, медвежонок малину кушает прямо с веток.

- Она же колючая.
- Так он же в шубе, ветку наклонит, ко рту поднесет и лакомится.
- А что медведи ягоды едят? Разве ими наешься?
- Когда много, наешься. Потом еще рыбку поедят. Они летом жир накапливают, чтобы зимой тепло было спать и лапу сосать.
- И что они зимой больше ничего не едят? Одной лапой то не наешься.
- А что зимой еще поешь? Только снег везде. Вот всю зиму лапу и сосут.
- Ты смеешься надо мной?
- Нет, я правду говорю, так и есть.
- Смотри, а там дома видны. Там живут люди?
- Там поселок.
- А почему мы не идем в поселок? Мы что теперь так и будем жить всю жизнь в лесу на дереве. Мне уже надоела эта каша в консервах. Я хочу нормальную еду. Хлеб, колбасу, конфеты, торт, лимонад.
- Ну поживем немного, а потом пойдем в поселок, береженого Бог бережет. Тебе же здесь нравилось.
- Завтра утром иди в поселок и принеси нормальной еды. Если там живут люди, значит там есть магазины, они же что-то едят?
- Вероника проснулась только к обеду. Уже во всю светило солнце.
- Как здорово здесь на верху, какая красота, просто волшебство. Она посмотрела вниз под дерево. Сначала ничего не поняла.
- Что это там валяется. О Боже! Под деревом на траве вокруг ствола по периметру лежали несколько волков. Услышав голос Вероники, они как по команде начали подниматься, потягиваясь и зевая. Некоторые подошли к стволу дерева, поднимаясь на задние лапы и смотрели на Веронику.
- Ой мои хорошие, вы наверно голодные, но у нас кушать ничего нет, даже хлеба. Если бы было, я бы вас покормила. Можно, я вас поглажу, мои лохматые. Волки открывали свои пасти и тянулись к Веронике. Как будто что-то не слышно говорили, немного поскуливая.
- Вероника! Я уже иду, просыпайся. Услышав голос Никиты и его шаги волки, опустив головы, как бы извиняясь, поджав хвосты, начали медленно уходить в темную чащу леса.
- Вероника! Я принес еду. Он разложил на полянке продукты. Никита довольно и радостно улыбался. Вот хлеб домашний, яйца вареные, картошка, молоко, творог, сметана.
- И это все? А где колбаса, лимонад, конфеты?
- Вероника там нет магазинов. Я у местных жителей купил продукты, все свежее ешь. Но есть и хорошая новость. Женщина рассказывала, что много семей уехали в город, оставили свои дома. В них можно жить. Завтра мы с тобой пойдем в поселок, ты выберешь дом, который тебе понравится.
- Мы можем купить у них дом? Это будет наш дом? Мы будем там жить?
- Купить? Нет Вероника, это плохая идея. Его нужно будет оформлять, делать на него документы, а нам нельзя светиться, да и документов у нас нет. А жить можем, пока нас не выгонят хозяева.
- Ура! Ура! Вот здорово! У нас будет свой дом! Ля! Ля! Ля! Она прыгала и радовалась, как ребенок.

Жизнь в поселке

Никита и Вероника шли по дороге поселка. Было несколько оставленных, покосившихся изб, заколоченных досками.

– Ну давай уже что-нибудь выберем. Я уже устала ходить. Ну чем тебе этот не нравится?

– Да. Этот домик приличный, заборчик есть, даже колодец во дворе, сарайчик, а это похоже банька и туалет есть.

Соседка, не высокая, худощавая бабушка, подошла к забору, она копалась в огороде.

– Вы хотите пожить в этой избе? Только не ломайте двери, я вам сейчас ключ дам. Я присматриваю за домиком. Я смотрю, что вы приличные, молодые люди. Поживите. Только обещайте сохранять чистоту и порядок.

Молодые зашли в домик.

– Ну что ж, все прилично, даже посуда есть и кое-какое барахло. Кровать, постель, стол, лавка, лампа. Здорово! Только немного пыльно. Но мы сейчас все быстренько приберем и помоем. Да, Вероника?

Никита принес из колодца воды, поставил ведро на пол, положил тряпки.

– Вероника. Ты здесь немного приберись, протри пыль, полы помой, посуду. А я пробе- гусь по соседям, достану еды.

– Полы помой? Ты что? Чтобы я мыла полы? У меня же маникюр и ручки. Чтобы я в холодной воде? Да еще всю эту грязь мыла после кого-то? Она зло нахмурила брови и скривила рот в брезгливой гримасе. Фу! Нет уж. Она вышла на улицу и села на скамейку.

Никита вернулся с продуктами, посмотрел на Веронику и вздохнул.

– Да уж! Весело будет жить с моей молодой женой. Ну что ж, все они такие пока молодые, привыкнет, поумнеет, остепенится. Ну что ж Вероника. Пойдем осматривать наш домик. Произведем ревизию. Что мы имеем? Что нам тут досталось?

– О! Здесь даже погребок есть. Сюда можем закапать твои денежки.

– Как это закапать?

– Оставим сколько нам нужно на первое время на расходы, а большую сумму закопаем, замаскируем, заложим хламом. Береженого Бог бережет.

– О! Да тут и банька приличная, даже дров немного есть. А не истопить ли нам баньку на днях? А? Вероника? С дороги. А после баньки, я тут даже самогоном разжился. Обмоем наше новоселье.

– А что такое самогон? Никогда не пробовала.

– Ну что любовь моя, пойдем чистоту наводить в нашем доме. Никита выносил на улицу на просушку постель, выбивал коврики с пола, вытряхивал одежду. А Вероника, морщась и вздыхая, с недовольной гримасой мыла посуду, поглядывая на неутомимого, веселого избранника, который ей улыбался и подмигивал.

Прошло несколько дней.

– А соседка сказала, что на станции есть магазины и даже ресторан.

– Хорошо любовь моя. Завтра утром прогуляюсь в разведку. А может вместе сходим?

– Да? Чтобы я в такую даль ходила пешком?

– А как же раньше люди за несколько километров ходили пешком на работу, а дети в школу? Вставали с рассветом, в 4 часа утра? Пешком ходить полезно.

– Вот кому полезно, пусть они и ходят. А ты пока сходи один, в разведку. Разузнай, что там и как, что там вообще есть? Что продают?

На следующий день к обеду, Вероника гуляла по двору, скучала. Она услышала вдали рев мотора, вышла за ограду посмотреть. Приблизился черный мотоцикл с коляской. Пригля-

делась, а это Никита за рулем сидит. Он остановился, осторожно въехал во двор, заглушил мотор, взял на руки Веронику и начал кружить ее и хохотать.

– Это что, наш!?

– Это наш Вероника. Мы теперь не будем никогда ходить пешком. Мы можем поехать на нем куда захотим, хоть в лес за ягодами, за грибами, за орехами. Хоть на речку, хоть по магазинам. А сколько еды я набрал? Тут тебе и лимонад, и конфеты, печенья, шоколад, овощи, фрукты, хлеб, колбаса, шампанское.

– Шоколад? Ура! Ура! Прыгала от радости, обнимала и целовала Вероника своего находчивого парня.

– Я даже вещи купил. Смотри какие трикотажные костюмы, ткань на новые шторы и на простыни пойдет и на скатерку. Смотри что я купил. Газовую плитку, а баллоны можно менять. Мы теперь можем суп варить каждый день. Чай кипятить, не бегать в лес за хворостом. А в багажнике можно и дрова возить и хворост.

– Ура! Ура! Какой же ты у меня умница.

– Вероника. Ты умеешь суп варить?

– Суп? Сморщилась недовольно Вероника.

– Зачем нам суп. Мы можем есть колбасу с хлебом или печенья с лимонадом.

– А это тебе подарок. Никита достал из коляски забившуюся в угол от страха маленькую собачку. Она злая будет, смотри какая пасть черная. Как назовем? Собачка жмурилась от солнца и зевала.

– Ой какая прелесть. Никита поставил на землю собачку.

– Обзаводимся потихоньку хозяйством. Да Вероника? Вероника бегала по двору, а рыженькая с черным носиком собачка, виляя хвостиком бегала за ней и весело тявкала.

– Смотри. Она похожа на медвежонка, давай назовем ее Мишка. Мишка. Мишка. Ко мне.

Прошло несколько дней. Никита поправлял во дворе покосившийся забор, а Вероника сидела дома и примеряла драгоценности. Она подносила их к свету и любовалась переливом и блеском камней.

– Что толку от этих драгоценностей, если их некому показывать, даже не похващаешься. Вот жили бы мы в городе я бы их надела, все девчонки от зависти попадали бы. Она вышла во двор к Никите, встала рядом с ним, напевая веселую песенку и танцевала. Никита, увидев ее, схватил за руку и потащил в дом.

– Ты что с ума сошла, что ты вырядилась, как новогодняя елка. Быстро всеними и спрячь. Этого никто не должен видеть.

– Но почему? Зачем же они тогда нужны, если их не надевать и никому не показывать. Никита так разозлился, что даже не хотел разговаривать.

– Посмотри. Какой кулон. Золотая рыбка. У нее такой большой глаз, переливается на солнце всеми цветами радуги.

– Ты пойми. Мы должны жить тихо, скромно, не привлекая внимания соседей. Ты забыла, что мы в бегах. Спросят откуда у молодых людей такое богатство, столько золота. Значит они богатые, а откуда у молодых такое, богатство? Ты можешь привлечь сюда бандитов.

– Ха. Ха. Ха. Откуда здесь бандиты? Здесь живут только бабушки и дедушки и их внуки. И вообще, мне уже давно скучно. Я не могу жить без музыки, без развлечений. Давай хоть в ресторан съездим. У нас ведь теперь есть мотоцикл, транспорт.

– Съездим.

– Когда?

– Когда-нибудь.

– Когда осенью дождь пойдет? Или зимой, когда снег пойдет? Пока лето нужно съездить в ресторан. А то и так всю осень и зиму будем сидеть дома.

– Съездим когда-нибудь обязательно.

– А? Никита! Поехали в ресторан. Я не могу больше сидеть дома. Мне надоело. Ты как хочешь, а я тогда пешком пойду. Я еще молодая. Что я как бабка должна сидеть дома целыми днями. Для чего тогда ты взял мотоцикл, чтобы сидеть дома? Ты сам говорил, что теперь будем везде ездить. Она обняла Никиту и поцеловала.

– Ладно. Хорошо поехали. Но при условии, если ты снимешь все эти побрякушки.

– Все? Все? Ну можно хоть кулон и колечко оставить? Посмотри какая прелесть.

– Не у тебя одной есть глаза, другие тоже увидят эту прелесть.

– Ну ты же со мной, защитишь меня.

– Нет. Или едем без твоих побрякушек. Или вообще не едем никуда.

– Хорошо. Хорошо. Я все снимаю. Вероника все с себя сняла. Но положила себе в кармашек два колечка и кулон с золотой рыбкой. И хитро улыбаясь, повернулась к Никите. Я уже готова. Поехали.

Ресторан

Никита и Вероника подъехали к ресторану. Здесь стояло немного машин и играла веселая музыка. Зал был почти полон, но были свободные столики.

– Я буду мороженое и шампанское.

– Мне пожалуйста пиво и сельдь по-русски.

– Ой! Как здесь здорово! Никита! Почему мы раньше сюда не приходили? Мы же можем каждый вечер сюда заезжать. Да? Никита. Пойдем танцевать. Она уже не могла спокойно сидеть на стуле. Ерзала и прыгала. Вероника осмелела, отвернулась и быстро надела на себя золото. Когда Никита увидел, он сильно разозлился.

– Ты же мне обещала. Какая же ты все же настырная. Или снимай, или уходим.

– Нет.

– Все мы уходим.

– Нет. Я не куда не пойду. Он схватил ее за руку и потащил к выходу. Она упиралась и вырывалась.

– Серый. Смотри какая кукла в цацках.

– Где? Ну ка пошли за мной. Сейчас разберемся. На выходе Никите перегородили дорогу три парня.

– Мужик. Ты почему так плохо обращаешься с девушкой. А ну ка извинись.

– Это моя жена, я сам знаю, как с ней обращаться.

– Ну, что ж, надо поучить мужика хорошим манерам.

– Ну что, доигралась? Теперь получай, расхлебывай. Все вышли на улицу.

– Ребята. Отпустите нас пожалуйста. Он хороший. Он хорошо со мной обращается.

– Твоя тачка?

– Нет.

– Нет? Это хорошо. Значит будет наша.

– Ребята, отпустите нас.

– А ты кукла снимай цацки и не плачь. Вероника сразу сняла с себя кулон и кольца и отдала парням.

– А ты, что притих? Обделался? Что в штаны наложил?

– Конечно наложил, вон как от него воняет тухлятиной.

– Да пошел ты.

– Что? Серый ты слышал?

– Отвесь-ка ему люли. Один из парней ударил Никиту в живот. От чего он согнулся и присел на колени, хватая воздух ртом. Другие начали его пинать.

– И чтобы мы вас здесь никогда больше не видели никогда. Понятно?

– Вас не спросили.

– Что? Да ты не уймешься мужик? Двое схватили Никиту под руки и потащили в лес.

– Отпустите. Мы же вам все отдали. Отпустите нас.

– Серый. Я ее хочу.

– Ну так бери, кто тебе не дает. Смеялись парни.

– Ребята отпустите нас пожалуйста. Мы же вам все отдали.

– Пошли кукла. Он схватил девушку под мышку и волоком потащил в лес.

– Отпусти меня, сволочь, гад.

– Серый. Она упирается.

– Ну так дай ей по роже, успокоится сразу.

– Серый. Она кусается и царапается.

– Ну влей ей водки в пасть, не знаешь, как с бабами обращаться.

Светало. В лицо Веронике подул прохладный ветер. Она открыла глаза и не понимала где она находится. Вокруг были деревья и кустарники. А она лежала на траве почти голая, в одной футболке, ноги были расставлены в стороны.

– Что произошло? Что было вчера? Она ничего не могла вспомнить. Сильно болела голова, плечи, ноги. Она с трудом села. Увидела рядом грязные брюки и рваные трусы. Вероника одела брюки и сидела, держась за больную голову. Губа была разбита, а на ней засохшая кровь.

– Мы вчера с Никитой поехали в ресторан. Там к нам начали приставать трое бандитов. Он меня избил и изнасиловал. А. Еще он водку в меня вливал прямо в рот, гад, я чуть не подавилась.

О Боже! Никита! Где он? Он даже не заступился за меня. Парень называется, муж. Она плакала.

– А где же Никита? Сбежал? Нет его же вчера били. Она встала и начала ходить между кустарников и деревьев. Вероника услышала тихие хрипы и стоны. Прислушалась. Пошла на звук.

– Никита! Никита! Он лежал весь в крови. Голова была разбита. Один глаз распух, отек, потому не открывался. Одной рукой он держался за живот, между пальцев сочилась кровь. Другую держал на груди, там тоже было много крови.

– Никита! Она бросилась на него и плакала.

– Не надо Вероника, ты можешь испачкаться в крови. Он говорил очень тихо, из груди доносились хрипы.

– Никита! Я сейчас вызову скорую. Найду врача.

– Не надо. Вероника. Поздно. Да и нельзя нам светиться. Наломай веток, какие сможешь. Накидай на меня хворосту побольше. Может никто не найдет. А то если найдут меня. То и тебя вычислят. Вероника. Я тебя...

Со рта Никиты потекла кровь. Он затих и больше ничего не говорил, не хрипел.

– Никита! Никита! Она долго смотрела на него ничего не понимая, что происходит.

– Никита! Скажи хоть, что-нибудь. Никита! Она легла рядом с ним. Положила голову на его плечо и прислушивалась к тишине, ждала от него слов или шепота, или хрипа. Но только птицы щебетали на деревьях, перелитая с ветки на ветку, разбивая тишину леса.

Вероника даже не помнит, как дошла до дома. Сумерки сгущались. Голова ничего не соображала. Она как будто умерла вместе с ним, осталась там в лесу. А какая-то неизвестная ей сила, на невидимой веревке тащила ее вперед, домой. И только утром проснувшись от страшной тишины, она закричала во весь голос.

– Никита! Она долго слушала тишину. Никита! Произнесла она шепотом.

Уже к обеду, изрядно выпив самогона, который ее никак не брал, как ей казалось, она начала громко хохотать.

– Ну и ладно. Да и пошли вы все подальше. Кричала она на весь дом, икая. И без вас всех проживу, потому, что я богатая, свободная, молодая и красивая. Она не помнит сколько она уже дней пила, пока ее не стало тошнить и рвать. Она уже не могла больше пить, только лежала на кровати, пила воду и обливала ею лицо.

Лена

Светловолосая, милая, курносая девушка. Они с мамой недавно переехали из поселка Колотушки в город. Где жили с бабушкой. Надя, мама Лены, сразу нашла в городе работу в киоске. Работа была круглосуточной, там же и ночевали. Лена мечтала быть портнихой, потом стать модельером, чтобы красиво модно одеваться. Она в городе поступила в швейное училище.

Отца она своего не помнит. Мама говорила, что он их давно бросил, ушел к другой женщине. Очень скоро Надя в городе нашла себе молодого мужчину, который снимал квартиру. Лена работала в киоске, а ее мама переехала к новому мужу, потому что они начали часто выпивать.

– Почему бы не выпить, если есть деньги, он хорошо зарабатывает. Говорила Надя дочери. Вскоре Лену попросили уйти с работы, потому, что ей только 16 лет, а мама там уже давно не появлялась. Лена переехала жить с мамой и отчимом. Николай часто придирался к девочке и открыто приставал к ней, когда мать спала пьяная. Лена жаловалась маме.

– Ну и что? От тебя что убудет если он там тебя пощупает за сиську? Я в киоск работать больше не пойду. С меня хватит, иди и работай. Девка уже здоровая, сколько тебя содержать можно? Другие дети, вон уже работают, зарабатывают хорошие деньги и родителей кормят. А ты все за мамину юбку держишься. Я еще молодая, мне для себя пожить хочется. Иди и живи где хочешь, раз тебе здесь не нравится.

Лена уже начала подумывать, чтоб переехать снова к бабушке. Там она дружила с парнем. Он был старше ее и уже работал. Он просил ее не уезжать, а перейти жить к нему. Но в поселке нигде было учиться.

В очередной раз, когда отчим ударил Лену, она упала на кровать, а отчим схватил ее за ноги и пытался снять трусы, она выскользнула из них и убежала. Прихватив со стола деньги на дорогу. Она ехала на вокзал в слезах. Ей было себя так жалко, что судьба с ней так не справедлива.

Лена ехала в купейном вагоне. Она уже почти успокоилась, что на этом все закончилось, что она скоро будет жить у бабушке или у жениха.

Последние попутчики вышли, она осталась в купе совсем одна. Из соседнего купе доносились музыка и разговор мужчин. Ей очень хотелось есть, но денег на еду не было. Лена вышла в коридор, чтобы узнать у проводника, скоро ли ее станция.

– Ой, далеко еще милая, можешь всю ночь спать спокойно. Утром, может к обеду только приедем. Так что отдыхай милая. Когда она шла обратно, из соседнего купе вышел парень, вернее вывалился, они там веселились и боролись.

– Ой милая девушка, извините, что мы вас немного толкнули. Поверьте, мы этого совсем не хотели.

– А как звать прекрасную незнакомку?

– Лена.

– О Елена прекрасная, я не ошибся. А куда едет наша попутчица Лена?

– К бабушке.

– О! Красная шапочка тоже ехала к бабушке, но страшный серый волк съел ее и ее бабушку.

– Серый волк не съел Красную шапочку, потому, что она позвала охотника.

– О! Вы не только прекрасны, но еще и эрудированы. А мы молодые врачи студенты, едем на практику. Я Александр, это Григорий, а это светлая голова нашего вуза, Сергей. А у нашего

Серези сегодня день рождения и мы просим, нет мы просто умоляем вас присоединиться к нашему столу.

– Нет. Нет. Просто я устала и хочу прилечь отдохнуть.

– Ну что вы, вы можете и у нас прекрасно отдохнуть. Парни тихонечко, осторожно, заговаривая Лены зубы, двигали ее в купе. Она даже не поняла, как она оказалась в купе и уже закрылась дверь.

– Сереза наливай гостье штрафной.

– Нет. Нет, что вы я совсем не пью.

– Мы тоже не пьем, мы просто угощаемся. Гриша позже стоняет, купит шампанское, а пока только пригубите, уважьте именинника, а то видите какой он грустный. Сергей, изображая унылое лицо, сдвинул брови, скривил лицо. Александр поднес стакан с водкой к губам девушки.

– Ну откройте свой прекрасный ротик, ну пожалуйста. Парни влили в рот девушки большой глоток водки, она закашлялась, ей подали кусочек яблока.

– Закусывайте. Лена вчера не ужинала и сегодня весь день в дороге, ничего не ела, только пила воду из-под крана. Голова сразу закружилась. Ей сразу стало так хорошо, спокойно, захотелось спать.

– Ой. Я наверно пойду к себе, а то меня начнут искать.

– А мы скажем, что вы у нас. Ну еще один маленький глоточек на посошок. Гриша снова влил в рот девушке большой глоток. Она закашлялась, потекли слезы.

– Закусочка. Закусочка. Через несколько минут, она уже ничего не соображала, все плыло, веки стали тяжелые.

– Ну и по русскому обычаю, Бог любит троицу. Когда вливали третий раз, она уже не сопротивлялась, она уже наполовину спала и ничего не соображала. Лена повалилась к парню на грудь, который ее обнимал. Он положил ее на подушку.

– Ух. У болтали девку. Птичка в клетке. Теперь можно спокойно выпить и подумать, как мы будем делить наш трофей, нашу добычу на троих.

– Не трогайте девчонку, она же совсем еще ребенок.

– Ты не хочешь, не трогай, нам больше достанется. Ха. Ха. Ха.

– Я сказал. Отпустите девчонку.

– А то что? То, что ты сейчас рядом с ней будешь лежать. Хочешь? Мы тебе можем это устроить.

– Вот именно. Завязалась драка Александра с Сергеем. Григорий ударил Сергея по голове пустой бутылкой. Он обмяк и повалился на пол, как тряпка.

– И всего делец-то, веселился Григорий. Ну что? Разыграем жребий?

– Давай.

– Ой. Не люблю я этих целок, столько крови от них, а удовольствия мало. Возмутился Григорий.

– Не надо было лезть первым, если не любишь.

– Слушай. Надо этим двоим влить водки, а то очухаются.

– Пейте. Пейте. Сладкая парочка.

– Ну что? Еще по разику или сначала накатим?

– Спрашиваешь? Конечно сначала накатим.

– Слушай. Давай девку наверх закинем, а то разлеглись они тут, заняли нижние полки, людям присесть негде.

– Давай закинем. Взяли. Вот теперь хорошо.

– Давай еще накатим, да этим вольем. Да поспим немного. Ночь все-таки.

– Давай.

Проснулись к обеду.

- Слышь, Гриша, надо что-то с девкой делать?
- А что?
- Скоро станция конечная. Она тоже там живет. Да и встретиться можем, ментам на нас пальцем укажет. Я не собираюсь париться. Знаешь сколько за малолетку дают?
- А что делать то будем с ней?
- Надо избавиться.
- А как мы избавимся?
- Выкинем в окошко. Да и дельце сделано.
- Да она же сдохнет.
- Ну и хрен с ней. Не будет без присмотра болтаться. В следующий раз умнее будет.
- А когда в следующий раз? В следующей жизни?
- Вот именно.
- А если увидят? Надо было ее ночью выкинуть, сейчас уже светло.
- А кто поймет, что там с окна выпало, может чемодан не нужный, пустой выкинули, вагоны почти пустые едут.
- Ну вот. И всего делец-то. Да и этого надо было бы тоже выкинуть, до кучи, как свидетеля.
- Да он же тяжелый. Поднимать его, надрывать.
- Скажем ему про девку, что мы спали, а когда она ушла не знаем, не видели.

Выкидыш

Вероника уже проснулась. Но глаза не хотела открывать. Сознание ее уже работало, а тело еще никак не хотело отойти от сна. Она прислушивалась к тишине. Она думала, что никогда больше не услышит его шагов, его тихого голоса, его поцелуев, которыми он будил ее по утрам.

Ей стало так грустно, там, где было сердце, появилась пустота, тоска, боль. Появилась боль в глазах, в висках. Под закрытыми веками появились горячие слезы, они растекались по вискам и попадали в уши. Она повернулась лицом в подушку и плакала.

– Никита! Никита! Шептала она сквозь слезы. Ей так захотелось сходить на то место, где они проводили свои первые романтические дни в лесу, там, где палатка на дереве, там, где волки ее охраняли. Собачка во дворе заскулила.

– Наверно хочет кушать или пить. Надо вставать. Собрав немного еды и воды, она отправилась в путь.

– Так здорово в лесу! Чистый прохладный воздух. Пенье птиц. А на солнечной полянке жужжат над цветами пчелы и лохматые шмели. И такие большие, золотистые и разноцветные бабочки. Какие они все разные, эти бабочки. Разноцветные, расписные. Как будто кто-то их ловил по одной и специально раскрашивал кистью.

– Вот и наша большая береза, и палатка на верху стоит. С далека за листьями дерева ее не видно, а вот она там стоит себе преспокойненько. Вероника залезла по березе, вошла в палатку, легла на спальный мешок. Это все ее Никита делал, своими ручками. Она вспомнила, как он, как обезьянка лазил по березе, все связывал. Какой он был все же умница, она опять заплакала.

– Ну пусть стоит. Никита не успел ее разобрать, может кому-то пригодится, может какой усталый путник увидит, залезет, отдохнет, поживет в ней. Поблагодарит человека, кто сотворил жилище на дереве.

Вероника услышала звук приближающегося поезда. Встала, вышла посмотреть. Поезд был еще далеко, его почти не было видно. Но он стремительно приближался. И вот она увидела его, такой большой и красивый. Когда-то они тоже на таком же поезде приехали сюда с Никитой, а теперь его нет нигде, а жизнь продолжается без него, как жалко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.